

В. А. Лётин, Н. Н. Лётина

Антропологический модус иеротопического дискурса русского усадебного храма

В статье исследуются антропологические основания иеротопического дискурса русского усадебного храма.

Ключевые слова: садебный храм, иеротопический дискурс, антропологический модус, репрезентация ктитора, мемориальное пространство

V. A. Liotin, N. N. Liotina

Anthropological Modus of Erotopic Discourse of the Russian Farmstead Temple

In the article the anthropological bases of the erotopic discourse of the Russian farmstead temple are investigated.

Keywords: a farmstead temple, erotopic discourse, anthropological modus, churchwarden's representation, memorial space

Наряду с государственными заказами, в России осуществляется частное храмовое строение. Выбор материала для строительства и архитектурного решения сооружения, образная система декора и монументальной живописи, равно как и семантика алтарных посвящений, обозначают место ктитора в историко-культурном пространстве.

Основываясь на анализе обширного эмпирического материала храмостроения центральной части России, Русского севера и Поволжья, специальной научно-исследовательской литературе, мы выделяем три типа самоидентификации и репрезентации ктитора в традиции храмостроения: 1) *репрезентация социальных амбиций, храм в таком случае служит показателем высокого статуса ктитора, его «особого» положения;* 2) *осмысление храма как мемориального пространства рода, семьи;* 3) *интерпретация храма как способа самовыражения мировоззренческого кредо архитектора и/или заказчика.*

Остановимся подробнее на первой и второй позициях, поскольку подробный анализ третьей позиции представлен в отдельной статье.

1. Храм как репрезентация ктитора

1.1. Выбор стиля как способ самоидентификации ктитора в актуальном социокультурном пространстве. Рассмотрим две тенденции: «*московское барокко*» – *стиль государственной элиты, интегрированный в провинциальное пространство,* и опыт *ярославской архитектурной школы* – *опыт посадского усадебного и слободского храмостроения* как способы

самоидентификации человека в иеротопическом модусе актуального историко-культурного контекста.

«Московское барокко» – пик новизны в архитектурных тенденциях своего времени, формируется под сильным влиянием западноевропейской культурной традиции в кругу высшей аристократии [1]. Для храмов этого «стиля» характерны усложненность объемно-пространственных решений, богатый белокаменный или кирпичными поверхностями стен (ц. Покрова в Филях, 1690–1693) [2]. Однако общность стилистики не исключает индивидуальных акцентов, проявившихся в храмостроении различных аристократических родов: кн. Голицыных; Строгановых и Нарышкиных. Соответственно, появляются инварианты стиля: «строгановское» (ц. Рождества Богородицы в Нижнем Новгороде, 1696–1701; Введенский собор в Сольвычегодске, 1688–1693), «голицынское» (ц. Знамения Богородицы в подмосковной усадьбе Дубровицы, 1690) и «нарышкинское» (Успенский собор Яранского кремля, Я. Г. Бухвостов, 1693–1699) барокко. Естественно, соответствующие храмы строятся либо по инициативе представителей этих фамилий, либо на их подворьях и в резиденциях. Так или иначе, они репрезентуют ктитора как современного человека, занимающего высокий социальный статус. С другой стороны, их экстраординарные архитектурные решения могли вызвать отторжение и неприятие в косной среде, например, нежелание местного духовенства

ва в течение 9 лет освящать Введенский собор в «строгановском» Сольвычегодске.

«Ярославская архитектурная школа», которая оформляется чуть раньше, представляет собой противоположный опыт самоидентификации ктитора и в русле барочных тенденций второй половины столетия, и в своей монументальности выглядит несколько архаично [3]. Храмы представляют собой синтез старой новгородской и московской архитектуры гоудуновского времени. Монументальность основного объема храма – архаичная черта, восходящая к новгородской архитектуре. Для ярославских купцов, потомков сосланных в грозненские времена новгородцев, – это «корневая» черта, воплощение связи с «исторической» родиной. Новые архитектурные тенденции гоудуновского и никоновского «стилей» (позакомарное завершение, соотношение пятиглавия и основного объема, галереи (изначально открытые), крыльца-палатки, горки кокошников над приделами (придел Гурия, Самона и Авива ильинского храма; приделы предтеченского храма в Толчковой слободе) – присутствуют в храме на его композиционной «периферии», не нарушая традиционного монументализма основного объема.

Особым вниманием пользовались приделы. Их архитектурная форма варьировалась: горки кокошников – дань модным тенденциям архитектуры первой половины XVII в.; шатровые покрытия (златоустинский храм коровницкой слободы в Ярославле, 1649–1654); сочетание горок кокошников и пятиглавия (предтеченский храм толчковой слободы Ярославля). Периферийный характер приделов позволял использовать модные (кокошники) и «опальные» (шатры) архитектурные формы, демонстрируя соответствующие вкусовые пристрастия ктиторов. «Попустительство» же Ростово-Ярославского митрополита Ионы Сысоевича позволило совершать более смелые эксперименты: доведение высоты приделов до высоты храма, как в случае с шатрами ильинской и златоустинской коровницкой церковью, так и в случае с уравниванием в высоте с главным храмом столпов приделов ц. Усекновения главы Св. Иоанна Предтечи в Толчково.

1.2. Выбор материала как способ репрезентации ктитора. Частное посадское каменное / кирпичное строительство храмов – нарушение негласной монополии на каменные храмы иерархов церкви и государства. Каменный храм – показатель социального статуса и амбиций его соз-

дателя. Наиболее заметно это в вотчинном загородном строительстве на примере уже упомянутых ранее храмов. Так, первый каменный храм в окрестностях Ярославля Казанской иконы Богородицы строится в вотчине царских родственников Долгово-Сабуровых (1601), позже в вотчинах окольных С. Ф. Толочанова с. Богородское Закоторосльского стана и А. И. Чирикова – Аристово, таким образом, заявляющих о своей близости ко двору.

В городе каменные храмы появляются на подворьях «гостей», сыгравших значительную роль в финансировании II ополчения кн. Д. Пожарского и К. Минина: купцов Епифания (Надея) Светешникова, Гурия и Анкиндина (Дружины) Назарьевых, Вонифатия и Иоаникия Скрыпиных и др. При этом посадское и слободское каменное строительство поддерживается властью, связь с которой удостоверяется в храмах на уровне посвящения алтарей, вкладов, даров, тем и сюжетов монументальной живописи [4]. В частности, наиболее значимым для провинциального города являлся царский и патриарший дар частицы Ризы Господней храмоздателям ильинской церкви [4].

1.3. Алтарные посвящения как способ самоидентификации ктитора в истории. Множество алтарей храмовых комплексов позволяло разработать симфонию посвящений, максимально «уточнить» социокультурные координаты ктитора.

Посвящения главных алтарей. Практически все посадские или слободские храмы провинциальных городов строятся на месте старых деревянных. При этом либо освящение главного алтаря сохраняется и «историческая» самоидентификация ктитора реализуется за счет посвящений приделов и алтарей зимнего храма; либо получает новое посвящение, зачастую связанное с профессиональной деятельностью ктитора. Так, храм на подворье Епифания / Надея Светешникова при перестройке переосвящается в честь покровителя странников и торговцев Св. Николая [5], а церковь на подворье Дружининых освящается в честь покровительницы торгова Св. Варвары.

В этом ряду выделяется Ильинский храм (1647–1650), построенный на средства купцов Скрыпиных в Ярославле. Представители угасающего рода посвящают его главный алтарь Св. пророку Илие – небесному покровителю Ярославля. Храм строился и освящался как потенциальный подарок, как своего рода благодарность

городу, где род Скрыпиных достиг наивысшего материального благосостояния и... угас.

Алтари-спутники, расположенные в апсидах главных храмов, акцентировали значимое для ктиторов событие или явление. Диапазон их посвящений широк: от репрезентации верноподданничества до актуализации памяти рода. Алтарь Надеинского храма имеет алтарь-спутник в честь Св. Михаила Малеина – небесного покровителя царя Михаила Федоровича (первого Романова). Алтарь-спутник главного алтаря Ильинского храма посвящен новгородскому чудотворцу Варлааму Хутынскому и акцентирует память о «прародине» Скрыпиных Великом Новгороде.

Посвящения алтарей приделов уточняли тему, заявленную в главном алтаре, или акцентировали важные для рода ктитора обстоятельства. В некоторых регионах сложилась традиция посвящений алтарей приделов. В Ярославле один из приделов посадского усадебного храма освящался в честь трех святых: Гурия, Самона и Авива. В надеинской и ильинской церквях это северо-восточный угол храма, в ансамбле Рождественской церкви – надвратный храм, помещенный на одном из ярусов проездной башни-колокольни. Эти святые – покровители семьи и брака, а посвященные им приделы служили фамильными усыпальницами династий Светешниковых и Скрыпиных. В двух случаях (ильинская церковь и рождественская колокольня) этими микрохрамами был акцентирован парадный вход, демонстрируя первостепенное значение родовой памяти.

Приделы могли иметь «мемориальное» значение – освящаться в память бывших здесь храмов (богородичные приделы надеинской и ильинской церквей). Важные обстоятельства, связанные с бытованием рода ктиторов в истории, также акцентировались соответствующими «событийными» приделами, игравшими и важную репрезентативную роль. В церкви Рождества в Ярославле в уже готовый архитектурный объем в юго-западной части был встроены Казанский придел в память о пребывании в «назарьевском» храме в смутное время чудотворной иконы Казанской-Ярославской Богородицы. В ильинской церкви, так же в юго-западной части и так же к уже готовому архитектурному объему, пристраивается шатровый Ризположенский придел для хранения частицы Ризы Господней – дара патриарха Иосифа и ц. Алексея Михайловича роду Скрыпиных. В слободском храме Николая Мокрого Алексеевский придел освящен в честь небесного патрона царя Алексея Михайловича, вместе с

патриархом Никоном почтившего храм своим присутствием.

Посвящения приделов могли быть связаны с профессией (Варваринский придел николаемокринской церкви в Ярославле), а также с покровителями «коллег», с которыми были установлены долговременные отношения (придел предтеченской церкви толчковой слободы в Ярославле во имя казанских чудотворцев Гурия и Варсонофия) [6].

2. Личностная мотивация возведения храма

Под воздействием идей культуры эпохи Просвещения и последующего за ним Романтизма в европейском социуме утверждается новый тип семейных отношений. Семья становится не только залогом продолжения рода, но и союзом единомышленников, родственных душ, объединенных «тайным сродством» (И.-Г. Гете). Вполне естественно, что в частном храмостроении в конце XVIII – начале XIX в. актуализируется и соответствующая «семейная» тематика. В отличие от ранних «семейных» храмов XVII–XVIII вв., алтарное посвящение носит сугубо личный или событийно-личный характер. Храм перестает быть способом самоидентификации человека в историческом процессе, начинает выполнять мемориальную функцию, устанавливая трансцендентную связь личности ктитора и небесного патрона.

Храмы строятся *в память об умершем родственнике*. Одним из первых храмов, построенных по частной инициативе с «мемориальной» целью [7], в этом ряду является ц. Рождества Иоанна Предтечи (Спаская) на Волге в Угличе (1689–1690). Храм построен купцом Н. Г. Чеполосовым в память об убитом сыне, впоследствии причисленном к лику святых.

«Мемориальный» храм может хранить память и о человеке, и о месте, с этим человеком связанном. Так, в усадьбе Тарханы (Пензенская область) Е. А. Лермонтовой строится храм в честь Марии Египетской [8]. Храм строится на месте старого барского дома, где были несчастливы в семейной жизни и сама Е. А. Арсеньева, и ее дочь М. М. Лермонтова (1795–1817). Его сакрум словно закрывает это роковое для семьи место. При этом храм посвящается небесной покровительнице рано умершей дочери Св. Марии Египетской.

Храмы строились *в честь рождения ребенка, чаще всего сына* – наследника. Рождение сына может быть поводом к постройке нового храма на старом месте, с сохранением прежнего алтарного посвящения. В таком случае «мемориаль-

ность» памятника оказывается весьма условной и вычисляется по сопоставлению дат рождения ребенка и начала строительных работ. Пример тому – строительство Д. М. Свечиным каменного Спасского храма в усадьбе села Лютово Ярославской области в год рождения сына, которое пожилой по тем временам отец после многолетнего бездетного брака мог воспринять как подлинное чудо.

Аналогичен грандиозный для провинции храм в вотчине ярославской гр. П. Б. Шереметева в селе Великом. Храм стоит на дороге в Углич. Его «никольское» посвящение адресовано как путникам вообще, так и связано с сыном Петра Борисовича – гр. Николаем Петровичем Шереметевым (1751–1809). Н. П. Шереметев, в свою очередь, рождение сына Дмитрия Николаевича (1803–1871) отмечает строительством Дмитриевского собора в ростовском Спасо-Яковлевском монастыре.

Храм может стать мемориалом как отдельной семье, так и роду в целом. Наиболее простой вариант – алтарные посвящения в честь тезоименных святых, как в теплом храме-усыпальнице гр. Чернышовых – Св. пророку Захарии и Св. пророчице Анне.

Более развернуто память о семье воплощается гр. Н. П. Шереметевым в проекте филантропического характера – Спасской церкви Странноприимного дома (Дж. Кваренги, нач. XIX в.) в Москве. Богоугодное заведение для лечения немощных и приют на 25 мест для девочек-сирот должно было стать мемориалом покойной жены – гр. П. М. Шереметевой (урожд. Ковалевой-Жемчуговой). Троицкая церковь – ядро этого архитектурного проекта, его композиционный и семантический центр. Её придельные алтари посвящены тезоименным святым отца – гр. Н. П. Шереметева – Св. Николая и сына гр. Д. Н. Шереметева – Св. Димитрия Ростовского. В купольной росписи, выполненной Д. Скотти, ангелу-путти с пальмовой ветвью и ангелу с бубном были, соответственно, приданы портретные черты сына и матери.

Другой вариант мемориализации рода представлен в посвящениях приделов храма иконы Казанской Богоматери в с. Богородском (совр. Карабиха) в усадьбе кн. Голицыных. Приделы, сооруженные по желанию кнг. Н. И. Голицыной в конце 1820-х гг., представляли собой ротондальные (!) объемы, фланкировавшие храм обеих сторон. Мы полагаем, что выбор идентичной формы, помимо законов стиля, был обусловлен и

равной степенью значимости для храмоздательницы меморий.

Посвящение первого придела во имя Св. архангела Михаила раскрывается просто. Оно адресовано вдовой кнг. Наталией Ивановной покойному мужу кн. Михаилу Николаевичу Голицыну. Но в этом имени заложен и «общеголицынский» смысл, так как оно является родовым. Соответственно, приделы с таким посвящением – традиционное явление для иеротопического пространства этой фамилии. В частности, придел упомянутого выше Преображенского храма в Пехре-Яковлевском также имел святомихайловский придел.

С интерпретацией второго придела возникают сложности, поскольку он имеет редкое посвящение Св. Кассиану.

Но «личность» Кассиана также подлежит идентификации, поскольку православный пантеон имеет нескольких святых с таким именем: Кассиан Римлянин (IV в., 29 февраля); Кассиан Печерский (Киев, XII в., 29 февраля, 28 августа) и Кассиан Учемский («грек» из рода князей Мангупских, XVI в., 4 октября, 21 мая). В качестве возможного претендента на данную роль наше внимание привлёк последний из них. Выбор обусловлен непосредственной принадлежностью этого святого Ярославскому краю и косвенными свидетельствами причастности к роду владельцев карабихской усадьбы. На этом основании мы и высказываем гипотезу мотивации выбора алтарного посвящения кнг. Н. И. Голицыной.

Итак, Кассиан Грек, святитель Учемский – в миру Константин, князь Макнувский, появляется в России в составе свиты царской невесты Зои/Софии Палеолог в 1473 г. Он уроженец города Магнува (Мангута) в Крыму, служивший в Константинополе при дворе Фомы Палеолога, после падения Византии перебравшийся в Рим. Его семья связана с династией Комнинов – византийских императоров, предшествовавшей Палеологам. В России он принимает постриг. Событие это происходит в Ферапонтовом монастыре, где и нарекается Кассианом. Там же он тесно общается со святителями Нилом (позже – основатель Сорской пустыни) и Паисием. Подвижническая деятельность его самого напрямую связана с угличскими окрестностями. На стрелке Волги и Учмы им в день Рождества Св. Иоанна Предтечи 23 мая (ст. стиль) 1477 г. основывается обитель в честь Успения Богоматери. Кассиан пользуется поддержкой угличского князя Андрея

Васильевича (Большого), становится восприемником его сына Дмитрия.

Во второй половине XVIII в. монастырь упраздняется. Его храмы Успенский и Иоанновский становятся приходскими.

В начале XIX столетия хозяевами учемских земель оказываются дворяне Толстые, к роду которых и принадлежала карабихская храмоздательница Наталия Ивановна, вдова кн. Голицына.

Другим фактом, косвенно связывающим ярославскую ветвь кн. Голицыных и Св. Кассиана, является указание на наличие его образа в храме Свято-Данилова монастыря [9], где находилась фамильная усыпальница и где похоронены кн. М. Н. Голицын и его супруга.

Будучи угличско-учемской дворянкой и буквально «соседкой по имению» Св. Кассиана, кн. Н. И. Голицына вполне могла воспринимать популярного в тех краях святого как покровителя своего рода. Таким образом, освящение в его честь одного из приделов карабихской церкви приобретало мемориальное значение прославления своей отеческой семьи. В целом же возникала симметричная композиция по выбору архитектурной формы и по семантике алтарных посвящений, в которых через образы святых фиксировалась память о своем роде (Св. Кассиан Грек, Учемский) и покойном муже (Св. Архангел Михаил).

Таким образом, существенную роль в создании иеротопического дискурса усадебного храма имел и антропологический аспект. Храм становился способом репрезентации, самореализации и мемориализации личности ктитора, его семьи, рода.

Примечания

1. Седов, В. Стиль Вечного мира, или Польский ренессанс в Москве. Проект классика. XII–MMIV – 14.11.2004 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.projectclassica.ru/school/12_2004/school2004_12_01a.htm, свободный, проверено 27.07.2012.

2. Бусева-Давыдова, И. Л. О концепциях стиля русского искусства XVII века в отечественном искусствоведении [Электронный ресурс] / РусАрх. Электронная библиотека по истории древнерусской архитектуры. – Режим доступа: <http://www.rusarch.ru/buseva2.htm>, свободный, проверено 30.07.2012.

3. Сафронов, В. И. Архитектурный образ Ярославля XVI–XVII вв.: дис. ... канд. искусствоведения : 24.00.01 [Текст] / Сафронов Вячеслав Иосифович; [Место защиты: Ярослав. гос. пед. ун-т им. К. Д. Ушинского]. – Ярославль, 2007. – 228 с.

4. Шиманская, М. Сенсационная находка в ярославском музее [Текст] / М. Шиманская // Северный край. – 05.12.2003.

5. Федорычева, Е. А. Церковь Николая Надеина в Ярославле [Текст] / Е. А. Федорычева. – М., 2003. – 104 с.

6. Лётин, В. А. Храм в контексте усадебного университета: репрезентация ктитора [Текст] / В. А. Лётин // Ярославский педагогический вестник. – 2011. – № 1. – Том I (Гуманитарные науки). – С. 247–250. Лётин В. А. Репрезентация ктитора в символической программе усадебного храма: Ярославский посад XVII в. [Текст] / В. А. Лётин // Регионология. Научно-публицистический журнал. – 2012. – № 1 (78). – С. 238–248.

7. Горстка, А. Н. История одной церкви [Текст] / А. Н. Горстка. – Углич, 1999. – 118 с.

8. Мельникова, Т. М. Историческая справка по церкви Марии Египетской [Текст] / Т. М. Мельникова // Тарханский вестник. – № 2. – С. 3–10.

9. Лётин, В. А. Церковь Казанской иконы Богоматери как пространство репрезентации, самореализации и мемориализации хозяев усадьбы «Карабиха» [Текст] / В. А. Лётин // Русская усадьба XVIII – нач. XIX в. Проблемы изучения, реставрации и музеефикации : материалы научной конференции, Ярославль, 5–6 июля 2012 года / Государственный литературно-мемориальный музей-заповедник Н. А. Некрасова «Карабиха». – Ярославль, 2012. – С. 23–31.